

Век Москва. 2004. 18 ноября. с. 16

МАЛЫШ ЭРНИ МОГ РОДИТЬСЯ СОФОКЛОМ

ЭРНЕСТ МАЦКЯВИЧЮС: НЕСПЯЩИМ ЖЕНА ВИДИТ МЕНЯ ТОЛЬКО ПО ТЕЛЕВИЗОРУ

Жизнь ведущего «Доброе утро, Россия!» Эрнеста Мацкявичюса, на первый взгляд, самая что ни на есть обыкновенная: купил дачу – на выплату кредита уходит половина зарплаты. Обзавелся семьей и пытается привыкнуть к мысли, что теперь нужно заботиться о ком-то, кроме себя. Как и все, считает, что на работе его недооценивают и могли бы платить больше. Однажды повзрослел.

ТВ БЛИЦ

А вам Эрнест в каком амплуа больше нравится?

Оксана ПОДРИГА, телеведущая:

— Он естествен и адекватен во всех своих телевизионных амплуа. Но мне Эрнест больше нравился в качестве парламентского корреспондента.

Дмитрий БЫКОВ, писатель:

— В качестве парламентского корреспондента на НТВ. Тогда ему не приходилось лицемерить, и образ «железного мальчика» ему гораздо больше подходит, чем стремление развлекать и удивлять.

Борис БЕРМАН, телеведущий:

— Мне кажется, что нельзя ограничивать Эрнеста какими-то амплуа. Мне он кажется достаточно собранным человеком, удивительно обаятельным, что для телеведущего немаловажно. И у Эрнеста есть мысль в глазах, а это не у каждого ведущего на телевидении найдется. Я, конечно, иногда сожалею, что не вижу его в репортажах из Госдумы, но с другой стороны, и Дума уже не та. Что бы там сейчас было Эрнесту делать? Это было бы все равно, что микроскопом орехи колоть. Мне очень понравился Эрнест, когда он вел предвыборные дебаты. У него была такая маска почти вольтеровского простодушного, но она только высветила фанерность оппонентов по дебатам.

Александр ЛЫМАРЕВ, актер:

— Мне кажется, что как профессиональный актер вживается в разные роли, так и у Эрнеста получалось найти себя в разных жанрах на телевидении. Он профессионал и определенно умеет себя подать. Мне приятно видеть его лицо на экране, когда приходится уходить из дома по утрам. Это действительно поднимает настроение.

Любимов меня благословил

— Вас называли в честь Че Гевары и Хемингуэя. Не считаете, что славное имя как-то повлияло на судьбу?

— Да нет. Не заметил. Вот если бы меня назвали Адольфом, как Гитлера (смеется), наверное, материала о влиянии имени на судьбу было бы побольше. Дело в том, что мой папа тогда увлекался античной драмой и вообще был помешан на всем экзотическом. Ему нравились имена — Давид, Софокл и особенно Орест. Меня спасла старшая двоюродная сестра, которая родилась на полтора года раньше. Теперь она Ореста. Я ей очень благодарен.

— Первый успех в журналистике помните?

— Конечно, это было в программе «13-31». Я сделал сюжет про человека, который во время путча 91-го года усилием воли отогнал танки от Белого дома. Так что не исключено, что победой над ГКЧП мы обязаны именно ему. Найти его мне тогда помогла мама. Она работала в «Вечерке», а вы знаете, как много разных людей звонит в вечернюю газету. В их числе был и мой экстрасенс. Материал получился прикольный, как говорит молодежь, начальство меня заметило и позволило работать дальше. Моим тогдашним руководителем был Саша Любимов. Он оценил мои первые опыты, и я поверил, что отношения с телевидением у меня сложатся (я тогда учился на третьем курсе газетного отделения журфака). А лучшим своим материалом я по-прежнему считаю сюжет про режиссера бродячего театра Сергея Пчелкина, дома у которого жил ослик, они путешествовали по безумной Москве 91-го и устраивали хепенинги в духе эпохи Возрождения. Получился довольно любопытный философский видеотрактат, который стал прологом всей моей последующей работы.

— То есть «скандальная» журналистика это — не про вас?

— Наверное, журналистика должна быть разной, но лично я предпочитаю журналистику «гуманитарную». Все в нашем мире, в том числе и в мире телевидения, стремится к равновесию, к гармонии. Если где-то было, в другом месте обязательно придет. В

начале 90-х от чернухи на улице, на эране, в быту и в головах лопались мозги. «Так жить нельзя» — эта формула Станислава Говорухина стала главным девизом тех лет. Мне казалось важным показать, как жить можно.

— Если Любимов дал вам удачный старт в профессии, почему сейчас не работаете с ним?

— Ну, журналистская дорога извилиста. В 93-м году в ВИДе для меня интересной и перспективной работы не было, хотя зарплату платили. Я получил приглашение поработать на НТВ, пришел к Любимову, мы поговорили, он все понял и даже благословил.

— Сейчас вы бы участвовали в митингах «за свободу слова», как при развале НТВ?

— Есть дороги, которыми надо пройти, даже если догадываешься, что куда они не приведут, а впереди тупик и разочарования. Но идти все равно надо, чтобы потом было что ответить. В первую очередь себе самому. О том, что бы я делал сейчас, рассуждать бессмысленно. Тогда мы все-таки были романтиками. Это состояние давно прошло. Боюсь, что навсегда.

В Госдуме обходился без карате

— Когда работали в Госдуме, не возникало иногда соблазна прибегнуть к приемам карате, которым вы хорошо владеете?

— Ну, во-первых, уже не так хорошо, как раньше (смеется). А во-вторых, я человек в целом сдержанный, и когда нахожусь на работе, всегда помню об этом. Все-таки на съемке, в эфире, я — уже не вполне я. На меня, как скала, давит ответственность не только за свою ранимую душу, но и за репутацию своей телекомпании.

— Рассказывают, что Жириновского вы избегаєте — якобы Владимир Вольфович затерзал вас за время работы в Госдуме, проходу не давал...

— Впервые об этом слышу. Владимир Вольфович — милейший человек, по крайней мере, в личном общении. А вообще, нельзя придумать ничего глупее, чем всерьез реагировать на то, что он говорит вам перед телекамерами. Не один политик на этом погорел.

— Правда, что за время парламентских дебатов вы похудели на целый размер?

— Правда. Особенно тяжелой была первая неделя. Прямой эфир, ответственность, Закон «О выборах». Работал на пределе. (Смеется.) Но потом очень быстро опять вес набрал.

— Вообще форму поддерживаете?

— Пытаюсь. В основном возвращаюсь к нормальной физической форме я начинаю ближе к лету, когда стартует «Форт Боярд». Всякий раз, когда мне звонили и говорили: «Готовься», я начинал восстановительный курс. Но все равно с каждым годом килограмма три-четыре лишних прилипают.

— Вы настоящий рекордсмен «Форты»: участвовали в шоу четыре раза. Что запомнилось?

— Ну, например, этим летом мне надо было ползти по горизонтально натянутым на высоте 30 метров стальным тросам, по многу же поставленным ступенькам. Подо мной бушевал океан, ледяной ветер раскачивал всю эту хрупкую конструкцию вместе с моим посиневшим телом, я дрожал от холода и ужаса, причем начал это делать еще до того, как Ярмольник хлопнул меня по плечу и сказал: «Пошел!» На середине пути я посмотрел вниз и подумал, что зря в это все ввязался и что больше не смогу сделать ни шагу, но потом вспомнил, что на меня смотрит моя команда, — пришлось двигаться дальше. Надеюсь, никто ничего не заметил. В жизни так тоже часто бывает, во всяком случае, моей.

Вон НТВ пошло!

— Вы как-то сказали, что настоящая популярность к вам пришла именно после съемок в «Форте Боярд».

— Это было, когда я работал еще на НТВ парламентским корреспондентом. Тогда действительно одна игра в «Боярде» затмила пять лет работы в Думе, и у меня, я бы так сказал, поменялся электорат. Вернее, он существенно расширился за счет молодых девушек от 12 до 19 лет. И теперь я часто слышу вслед самые разнообразные возгласы. От «Смотри, Форт Боярд!» до «Вон НТВ пошло!». А на последней церемонии ТЭФИ ко мне подошел потрясенный главный редактор «Ералаша» Борис Грачевский и рассказал, как на входе в Концертный зал «Россия» наткнулся на двух подвыпивших молодых людей, один из которых, указывая на него пальцем, сказал другому: «Смотри, кто идет! Он по телевизору выступает! — А кто это? — Кто-то, сам, что ли, не видишь? Это — Эрнест Мацкявичюс».

— Не обижаетесь на анекдоты о флегматичности прибалтов?

— Я стараюсь с юмором относиться к собственным качествам, в том числе к национальности, и шучу «на опережение». Недавно, правда, дошутился. Во время съемок в программе «Пирамида» у Ивана Урганта я все время педантировал свое прибалтийское происхождение и выпрашивал себе под это дело дополнительное время. А потом из семи слов отгадал только одно. Когда конкурс закончился, Ургант сказал, что даже если бы я не сообщил зрителям о своей национальности в начале передачи, теперь они бы точно поняли, кто я. Я очень обиделся. Никогда ему не прощу (смеется).

— Как взбадриваетесь после утренних эфиров?

— После утренних эфиров взбадриваться не надо, надо спать. Самое сложное — спать днем, особенно летом, когда светит солнце. Это надругательство над собственной природой. Поэтому когда приезжаю домой, стараюсь чем-нибудь себя занять, чтобы довести до изнеможения, а потом сразу отключиться. Был у меня период, когда я вынужден был принимать снотворное, а чтобы проснуться — таблет-

ку чего-то бодрящего, всякие мощные витамины. Организм перестал понимать, чего от него хотят, обижался и начинал мстить. Ничего хорошего, конечно.

— Жена как относится к такому режиму?

— Врать не буду, без воодушевления. Неспящим она меня видит в основном по телевизору. Подозреваю, что ей этого недостаточно. Дочке уделить внимание на рабочей неделе тоже почти не удается. Стараюсь компенсировать все на свободной неделе, когда немного прихожу в себя. Все-таки это образ жизни для холостяка. Но работа есть работа. Раньше мне было чуть-чуть легче, сейчас обстоятельства изменились.

— Вы должны говорить об этом с радостью!

— (Понуро) Я с радостью и говорю.

Поводом стала Далька

— Какой вы папа?

— Заботливый, а друзья говорят, что сумасшедший. Мне все-таки уже почти 36, а ребенок первый. Сейчас Дальке девять месяцев, она уже ползает по комнате со скоростью сухопутной торпеды. Встает, пытается ходить и довольно отчетливо произносит слово «папа». Когда я захожу в комнату утром после работы, а меня встречает широкая — рот до ушей — Далькина улыбка, я понимаю, для чего живу.

— Вы встречались с будущей женой пять лет и только потом поженились. Опять же прибалтийская неспешность?

— Дело немного в другом. К любви надо относиться бережно. Я сразу понял, что наши отношения с Алиной — это всерьез и надолго, но у меня был не самый удачный опыт почти семейной жизни и множество холостяцких привычек, от которых надо избавляться постепенно. Люди, даже самые влюбленные, должны привыкнуть друг к другу, чтобы их страсть не разбилась в лепешку о немую посуду и разбросанные по полу вещи. Ну а потом, я человек по натуре не то чтобы осторожный, но консервативный. Нужен был какой-то мощный повод, чтобы наконец решиться на серьезный поступок. Повод мы сами и придумали. Им стала Далька.

— Момент, когда Кирилл Набутов в эфире шоу «За стеклом» назвал вас «малышом Эрни», вошел чуть ли не в хрестоматию телевидения...

— (Улыбается) Думаю, что Кирилл уже проклял момент, когда он произнес эти роковые слова. Правда, одна знакомая сказала мне, что в тот момент я выглядел в кадре таким юным, таким пионером, что не назвать меня малышом было просто невозможно. Кстати, прозвище прижилось ненадолго. (Смеется.) Сейчас, наверное, только сам Кирилл при встрече говорит: «Ну здравствуй, малыш Эрни!» Но я вижу, что ему по-прежнему стыдно (смеется).

— А другие прозвища у вас есть?

— На НТВ еще меня называли по первому слогу фамилии Мацк. До сих пор иногда так обращаются. И я отзываюсь.

— Часто пользуетесь преимуществами знаменитости?

— Иногда это действительно помогает решить какую-нибудь проблему, если человек, который тебя узнает, хорошо к тебе относится. Но очень часто все происходит наоборот. Через толпу идешь, как сквозь строй, видя боковым зрением указывающие на тебя пальцы. А во время крупных покупок твои шансы на скидку стремятся к нулю. Потому что продавцы думают: раз в телевизоре сидит, значит, очень богатый.

— А правда — богатый?

— Увы, моя зарплата значительно ниже, чем предполагают коллеги из печатных СМИ.

Ника ДРАБКИНА

ДОСЬЕ «ВМ»

Эрнест МАЦКЯВИЧЮС родился в 1968 году в Вильнюсе. Когда его папа, известный театральный режиссер Гедриус Мацкявичюс, переехал в Москву, Эрнест с мамой последовали за ним. После школы Эрнест работал инспектором на Шаболовке в Главном управлении телевидения и радиовещания. Провалился на вступительных экзаменах и загремел в армию. Служил на северо-западной границе радистом. Поступил на журфак МГУ, занимался карате. Начал работать в программах ВИД, «Панорама», «13-31», «Центральный экспресс». Затем на НТВ — парламентским репортером. С развалом старой команды оказался на ТВ-6 и ТВС, затем перекочевал в утренний эфир канала «Россия». Женат, дочери 9 месяцев.